

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-4-79-96>

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ДОБАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Е.А. Соловьева

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e_rossignol@mail.ru*

Аннотация: Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью изучения переводческих трансформаций как потенциальных маркеров индивидуального стиля и дискурсивной личности переводчика. Цель работы состоит в выявлении, описании, систематизации и анализе использования семантически значимых лексических добавлений, привносящих в переводной текст субъективные смыслы, отсутствующие в оригинале. Источником эмпирического материала послужил первый перевод романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, который был опубликован на страницах литературной рубрики парижской газеты «La Démocratie pacifique, journal des intérêts des gouvernements et des peuples». Автором перевода стал Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858), современник и близкий родственник автора произведения. Методологическую основу статьи составляет дескриптивный подход в сочетании с семантическим, функциональным, контекстуальным, сравнительным и количественным видами анализа. Прием обратного перевода дополняет представление и анализ полученных данных. Изучение материала свидетельствует о том, что переводческие добавления отличаются заметной антропоцентричностью и представлены двумя наиболее существенными типологическими группами: субъективными суждениями переводчика и различными фактологическими данными, касающимися преимущественно персонажей произведения. Первая группа является доминирующей. А.А. Столыпин занимает коммуникативно активную позицию, его потенциальными реципиентами являются как франкоязычная публика, так и русскоязычные читатели. В результате предпринятого исследования, автор приходит к выводу о том, что семантически значимые переводческие добавления могут рассматриваться как потенциальные маркеры индивидуального стиля переводчика, его дискурсивной личности и профессиональной компетенции в целом.

Ключевые слова: переводческое добавление, М. Ю. Лермонтов, А.А. Столыпин, «Герой нашего времени», перевод, индивидуальный стиль переводчика, профессиональная компетенция переводчика, дискурсивная личность переводчика, французский язык.

Для цитирования: Соловьева Е.А. (2023). Переводческое добавление как средство актуализации дискурсивной личности переводчика в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 5(4), С. 79–96. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-4-79-96>

1. ВВЕДЕНИЕ

Активное развитие дискурсивной лингвистики и дескриптивного направления переводческих исследований позволяет рассматривать перевод как дискурсивный акт, реализующийся в определенном историческом и социокультурном контекстах. Данный подход приводит к идее о необходимости объективизации проявлений «дискурсивной личности» переводчика, являющейся сложным комплексным и неоднозначно трактуемым феноменом, который в значительной степени складывается из индивидуального стиля переводчика и избираемой им коммуникативной позиции по отношению к оригинальному тексту и рецептору перевода.

Выбор переводчиком тех или иных приемов перевода определяется не только языковыми факторами, но и зависит от субъективных особенностей личности, компетенций и установок переводчика. В этой связи определенное внимание привлекает изучение различных переводческих трансформаций как потенциальных маркеров индивидуального стиля переводчика и проявлений его дискурсивной личности в целом.

Вышеперечисленные соображения обуславливают актуальность настоящей работы, целью которой стали выявление, описание, систематизация и анализ лексических добавлений переводчика, привносящих в семантическое пространство переводного текста дополнительные значения, отсутствующие в оригинале.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расширение объема, иными словами декомпрессия переводного текста по сравнению с оригиналом, относится к часто встречаемому явлению в переводческой практике, которое вызывает неослабевающий интерес современных отечественных и зарубежных ученых. Однако если одни исследователи склонны позиционировать эту особенность в ряду возможных универсальных характеристик переводных текстов [Berman, 1985, p. 72; Durieux, 1990; Juhe, 1999], то другие полагают, что данный феномен имеет относительный характер и варьируется в зависимости от значительного числа лингвистических и экстралингвистических факторов, включая лексические и грамматические особенности исходного и переводящего языков, а также стиль переводчика и дискурсивную природу переводимого текста [Cochrane, 1995; Ryan, 2020, p. 121; Van Hoof, 1989, p. 35-36].

Переводческие добавления, лежащие в основе декомпрессии перевода, весьма разнообразны по своей природе [Зимовец, 2018]. Если одни приводят к «пустому» линейному удлинению текста, сводящемуся к увеличению лексической массы без введения дополнительных смыслов, то другие порождают феномен «вертикальной» модификации, которая может включать в себя возрастание плана выражения наряду с возрастанием плана содержания [Berman, 1985, p. 71-72]. Добавления первого рода обычно вызваны обязательными лексико-грамматическими трансформациями, оказывающимися неизбежными при перехо-

де с одного языка на другой. Во втором случае возможны как оправданные, так и недостаточно обоснованные с точки зрения эквивалентности различные переводческие дополнения и смысловые амплификации, которые могут быть продиктованы различными причинами: текущей конвенциональной нормой, стремлением к достижению функциональной эквивалентности текстов, а также являться проявлением коммуникативной позиции и субъективных качеств переводчика [Нуриев, 2007; Nida, 1964, p. 227].

В настоящее время исследователи склонны относить лексические добавления к «деформирующим тенденциям» в переводе [Berman, 1985, p. 68]. В частности, добавления, которые привносят смыслы, отсутствующие в оригинале, могут быть отнесены к «деформации системы смыслов» [Костикова, 2008, с. 92].

Дескриптивный подход, хотя и вызывает дискуссии и не лишен определенного риска субъективной интерпретации текстов [Фефелов, 2014; Tymoczko, 2014, p. 166], открывает возможности для анализа перевода как дискурсивно мотивированного социокультурного явления [Hermans 1985; Lefevere, 1992]. С этой точки зрения любое изменение семантического континуума оригинального текста может выступать проявлением индивидуального стиля переводчика, а также трактоваться как осознанное или неосознанное [Hatim & Mason, 1997, p. 119, p. 191; Farahzad, 1998] воздействие, оказываемое переводчиком на читателя как на адресата коммуникации, что определяет интерес к изучению лексических добавлений в контексте исследований дискурсивной личности переводчика.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЫБОРКИ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ

Выбор источника практического материала обусловлен как фигурой самого переводчика, им стал Алексей Аркадьевич Столыпин (1816-1858) – современник и родственник автора романа, так и первичным характером перевода на французский язык. Отметим, что хотя А.А. Столыпин и не занимался профессионально переводческой деятельностью, выполненный им перевод соответствует общепринятым базовым требованиям адекватности и эквивалентности, предъявляемым к переводному художественному тексту, которые находят свое отражение в постулатах трансфера (*Transfer Postulate*) и отношений (*Relationship Postulate*), принимаемых в дескриптивных исследованиях [Toury, 2012, p. 28; Прунч, 2015, с. 266], что допускает его использование в качестве объекта эмпирического анализа.

Перевод был опубликован в числе первых произведений, появившихся на страницах литературной рубрики парижской газеты «La Démocratie pacifique, journal des intérêts des gouvernements et des peuples» [La Démocratie pacifique 1843], которая начала выходить в свет с 01 августа 1843 года.

Настоящее исследование ограничено изучением внутритекстовых лексических добавлений переводчика, обладающих самостоятельным семантическим значением и привносящих в переводной текст субъективные смыслы, отсутствующие в оригинале. Лексические добавления, вызванные лексико-грамматическими особенностями исходного и переводящего языков, а также добавления, не вносящие в перевод существенных семантических различий с текстом оригинала, не были включены в эмпирическую выборку.

В качестве примера отбора практического материала рассмотрим нижеследующий контекст, который содержит два переводческих дополнения, соотносящихся с главным героем романа и обладающих самостоятельным семантическим значением: 1) *sur le cou de mon*

cheval и 2) *quand je revins à la vie réelle* (при цитировании сохранена орфография источников [Лермонтов, 1843; *La Démocratie pacifique* 1843]; курсив здесь и далее наш, если не указано иное – Е.С.):

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Бросив поводья, опустив голову на грудь, я (Печорин – Е.С.) ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомѣ <...>	Je jetai la bride <i>sur le cou de mon cheval</i> , et j'errai longtemps, la tête penchée sur la poitrine ; <i>quand je revins à la vie réelle</i> , je me trouvais dans un endroit qui m'était totalement inconnu.	Я бросил поводья <i>на шею моей лошади</i> и долго блуждал, опустив голову на грудь; когда я <i>вернулся к реальной жизни</i> , то оказался в месте, которое мне было совершенно незнакомо.

Первое добавление выполняет функцию переводческого уточнения и актуализирует действие персонажа без привнесения смысловых модификаций в действия героя. Тогда как второе акцентирует особенности его внутреннего поведения в соответствии с субъективной рецепцией переводчика, поскольку авторский контекст не позволяет прийти к выводу, что Печорин, который осознанно искал уединения после фатальной дуэли с Грушницким, совершенно не воспринимал объективную реальность происходящего. Поэтому в выборку практического материала нами было включено только второе добавление переводчика.

Наряду с этим, учитывая тот факт, что художественная реальность фиктивна и моделируется автором в соответствии с его целями и эстетическими предпочтениями, мы анализируем переводческие добавления с учетом их референциальной соотнесенности с конституентами сюжетной линии произведения. Перечисленные исследовательские стратегии позволяют более четко обозначить позицию переводчика по отношению к оригинальному тексту и выделить его возможные приоритеты как потенциального субъекта коммуникации.

Источниками русскоязычного текста послужило издание романа 1843 г., также дополнительно привлекалось академическое издание 1954-1957 гг. произведений М.Ю. Лермонтова [Лермонтов, 1843; Лермонтов, 1957].

Методологическую основу работы составил дескриптивный подход в сочетании с семантическим, функциональным, контекстуальным, сравнительным и количественным видами анализа. Прием обратного перевода дополнил представление полученных данных. Общий объем практического материала составил 97 микроконтекстов, которые содержат 159 лексических добавлений переводчика. Учитывая ограниченный объем журнальной публикации, мы рассмотрим наиболее демонстративные и наименее развернутые примеры.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде чем перейти к детальному анализу переводческих добавлений, необходимо отметить, что общее количество лексического объема текстов оригинала и перевода находятся в примерном соотношении 1:1,3, что свидетельствует о заметном линейном расширении переводного текста. (Подсчет осуществлялся без учета авторского предисловия ко второму изданию романа, так как оно отсутствует в переводе А.А. Столыпина).

С точки зрения компонентного состава, переводческие добавления представлены отдельными лексемами, словосочетаниями, а также синтагматическими конструкциями, причем количество одноклассных добавлений находится приблизительно в пределах одной десятой части полученной выборки.

Что же касается общего смыслового содержания, то выявленные добавления обычно служат переводчику для выражения различных **субъективных суждений**. Их совокупная доля составляет в нашей выборке примерно 85%. Несомненно, что такое распределение может быть отчасти обусловлено жанровыми и композиционными особенностями романа, в котором присутствуют элементы исповедального нарратива как способа самовыражения и осмысления мира, а также осязаемая эстетизация рефлексии [Вольперт, 2005; Lešić-Thomas, 2008].

Добавляемые переводчиком субъективные суждения отличаются заметной вариативностью. В подавляющем большинстве случаев их референтами выступают герои произведения. С точки зрения семантики, более половины выявленных переводческих добавлений в той или иной степени актуализируют *внешнее поведение персонажей*, но также связаны и с их *внешностью* или проявлениями *внутреннего мира*.

В частности, лексические добавления, использующиеся для вербализации внешнего поведения, позволяют переводчику изменять поступки (действия), речь и телесное поведение героев. Последнее подразумевает характерные черты, формирующие «невербальный портрет» человека и обусловленные особенностями его личности (жесты, манера ходить, держаться, интонация и т. д.). Так, например, в приведенном ниже контексте выделенные курсивом синтагмы служат для дополнительной экспликации поступков главного героя:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.	<i>J'ai changé de tactique</i> au retour. J'ai laissé là notre lugubre conversation de tout-à-l'heure, et j'ai essayé de la faire sourire. Mais je n'ai pu l'arracher à ses rêveries, et elle a répondu à toutes mes questions par des monosyllabes.	На обратном пути я <i>изменил тактику</i> . Я оставил наш <i>недавний мрачный разговор</i> и попытался заставить ее <i>улыбнуться</i> . Но я не смог оторвать ее от ее мечтаний, и на все мои вопросы она отвечала односложно.

В следующем фрагменте А.А. Столыпин дополняет описание диалога Печорина и Азамата оценочным идиоматическим выражением (*ventre à terre*), которое трансформирует действие персонажа в более экспрессивное:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
– «Азамать!» сказалъ Григорій Александровичъ: «завтра Карагѣзь въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бѣла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня» «Хорошо!» сказалъ Азамать, и поскакалъ въ ауль.	– Asamath, dit Petchorine, demain Karagheuse sera à moi ; mais si Bela n'est pas ici cette nuit, tu ne reverras jamais le cheval. —Bien ! répondit Asamath, et il partit <i>ventre à terre</i> .	–Азамат, – сказал Печорин, – завтра Карагез будет мой; но, если Бѣлы сегодня ночью не будет здесь, ты никогда не увидишь коня. – Хорошо! – ответил Азамат и <i>ускакал во весь опор</i> / убежал сломя голову.

Ввиду того, что словосочетание *partir ventre à terre* не может быть однозначно соотнесено с пешим или конным способом перемещения, можно полагать, что решение не связано со стремлением переводчика к конкретизации описываемых действий. Данное наблюдение подкрепляет тот факт, что обращение к сочетаниям *chevaucher ventre à terre* или *galoper*

ventre à terre позволило бы не только внести желаемое добавление, но и несмотря на многозначность глаголов *chevaucher* и *galoper* более точно объяснить действия героя. Заметим также, что использование сочетания *partir à cheval* оказывается нежелательным в рассматриваемом контексте из-за повтора форманта *cheval*.

Помимо этого, переводчик опускает словосочетание *в аул*, которое может быть передано на французский язык в составе различных переводческих решений, например: *il partit (ventre à terre / au galop) pour son aoul; il partit en direction de l'aoul; il chevaucha vers son aoul; il galopa vers son aoul* и т. д., что также говорит в пользу субъективности выбора. Подчеркнем, что в целом А.А. Столыпин не находит препятствий для употребления транслитерированной лексемы аул (она встречается в тексте перевода 7 раз) и указывает в подстрочной ссылке, что «аул – это черкесская деревня»: («*Aoule – Village circassien*») [La Démocratie pacifique, 1843].

Еще в одном случае, передавая диалог княжны Мери и Грушницкого, А.А. Столыпин добавляет ироническую антитезу, приносящую оценочный смысл, выражаемый при помощи синтагмы *ce trait cruel*, которая создает эмоциональный контраст между внешне веселым поведением княжны и подразумеваемым смыслом ее слов:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
«Потому—что я не люблю повторов» — отвѣчала она, смѣясь ...	—Parce que je n'aime pas les répétitions. Elle souriait en lançant <i>ce trait cruel</i> .	—Потому что я не люблю повторов. Она улыбалась, бросая <i>эту жестокую фразу</i> .

Схожее преобразование переводчик производит, вводя в текст собственную оценочную характеристику героини (*la malicieuse jeune fille*), чем подчеркивает особенности ее характера и, отчасти, дополнительно объясняет ироническую импликацию высказывания:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
«Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ—лицу...». Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ <...>	—Il est certain, répliqua <i>la malicieuse jeune fille</i> , que vous étiez beaucoup mieux sous votre autre costume. En ce moment, je m'approchai de la princesse et lui adressai mon salut.	— Несомненно, — ответила <i>лукавая (насмешливая) девушка</i> , — вы были намного лучше в другом одеянии. В этот момент я подошел к княжне и поприветствовал ее.

В трех нижеследующих контекстах А.А. Столыпин уже непосредственно вмешивается в речь персонажей:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
«Я съ вами несогласенъ» отвѣчалъ я: въ мундирѣ онъ еще моложавѣе».	— <i>Je vous demande pardon de ne pas partager votre opinion, princesse : je trouve que l'uniforme le rajeunit.</i> (текстоформа <i>rajeunit</i> выделена курсивом переводчика)	— <i>Прошу прощения, что не разделяю</i> вашего мнения, княжна: я нахожу, что мундир делает его моложе.

«Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно»
сказала она, «что вы меня вовсе
не слушали; но вы, можетъ быть,
не любите музыки?...»

– Je suis d'autant plus flattée de
votre approbation, dit-elle, que
vous ne m'avez pas écoutée et *que*
je dois voir dans vos paroles un
vif désir de m'être agréable. On
m'a dit que vous n'aimiez pas la
musique ?

– Я тем более польщена вашим
одобрением, – сказала она, – что
вы меня не слушали и *что я*
должна видеть в ваших словах
острое желание угодить мне.
Мне сказали, что вы не любите
музыку?

«C'est impayable!.. И чѣмъ она
гордится? Ужъ ее надо бы проу-
чить...»

– C'est impayable, *vraiment* ; je
voudrais bien savoir de quoi elle
peut être si fière ? Elle aurait *grand*
besoin d'une petite leçon.

– C'est impayable, *право*; хо-
тела бы знать, чем она может
так гордиться? Вероятно, она
испытывает большую нужду в
маленьком уроке.

В первом фрагменте это происходит благодаря использованию клишированного оборо-
та вежливого извинения (*demander pardon à quelqu'un d'avoir fait quelque chose*), позволяю-
щего выделить скрытую насмешку, присутствующую в ответе Печорина.

Второй диалог дополнен репликой *que je dois voir dans vos paroles un vif désir de m'être agréable*, которая изменяет пропозициональное содержание и, вероятно, служит для объ-
яснения поведения главного героя в текущей контекстуальной ситуации в соответствии с
восприятием переводчика.

В последнем примере производимые модификации приводят не столько к линейному
увеличению длины фразы за счет использования глагольной идиомы *avoir (grand) besoin de*
и оценочных лексем *grand, vraiment* и *petit*, сколько приносят иронический и экспрессив-
ный смысл, преимущественно актуализирующийся благодаря антитезе *grand besoin* (досл.
«большая нужда») / *petite leçon* (досл. «маленький урок»). Избранные решения тоже пред-
ставляются субъективно обусловленными. Возможные альтернативные варианты перевода:
elle mériterait une leçon / il faudrait lui donner une leçon и т. д.

Цитируемый далее контекст интересен наличием сразу нескольких типов переводче-
ских добавлений:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Мы вышли вмѣстѣ съ Грушниц- кимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и послѣ долгаго мол- чанія сказалъ: — Ну, что? «Ты глупъ» хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.	Je suis sorti avec Groushnitsky ; il m'a pris sous le bras. – Eh bien ! mon cher ? m'a-t-il dit de <i>son ton de voix le plus vain et le</i> <i>plus triomphateur ... L'insolente</i> <i>question valait une réponse</i> . Groushnitsky, vous êtes un sot, eus-je un moment l'envie de lui répondre ; <i>mais j'ai eu le bon esprit</i> <i>de me retenir</i> ; je me suis contenté de hausser les épaules <i>en signe de</i> <i>pitié</i> .	Я вышел с Грушницким; он взял меня под руку. – Ну, что мой дорогой? – сказал он мне <i>самым</i> <i>тщеславным и торжествующим</i> <i>тоном голоса... На заносчивый</i> <i>вопрос следовало ответить</i> . Грушницкий, вы глупец, мне захотелось на мгновение ему от- ветить; но у меня <i>хватило здра-</i> <i>вомыслия</i> сдержаться; я лишь пожал плечами в знак сожаления.

А.А. Столыпин не только привносит эмоционально-оценочные характеристики речи Грушницкого, объясняет жест и внутреннее поведение Печорина, но и модифицирует внутреннюю речь последнего путем изменения 2-го лица единственного (*ты*) на 2-е лицо множественного числа (*vous*). За исключением уточнения (*en signe de pitié*), сопровождающего идиоматическое выражение *hausser les épaules*, которое в русском языке чаще актуализирует замешательство и нерешительность, а во французском – безразличие или даже пренебрежение [см., напр.: Kravtsov, 2005, p. 104], вносимые переводчиком дополнения обусловлены преимущественно его индивидуальным восприятием рассматриваемого контекста.

Следующий фрагмент интересен изменением авторских характеристик внешности персонажа (поручика Вулича), а также орфографией словосочетания *un noir de jais* (смоляно-черный), которое лежит в основе таких идиоматических выражений как *noir comme du jais* или *noir comme le jais* (черный как смоль, говоря обычно о волосах человека или оперении птиц) [Dictionnaire de français Larousse]:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза <...>	L'extérieur du lieutenant Voulitch exprimait vivement son caractère. Sa taille était élevée, son teint basané, sa chevelure d'un noir de geais ; ses yeux noirs jetaient des flammes <...>	Внешность поручика Вулича живо выражала его характер. Его рост был высокий, цвет лица смуглый, волосы черные, <i>гагатого</i> цвета; его черные глаза метали пламя <...>

В приведенном контексте переводчик заменяет нейтральную авторскую характеристику *проницательные глаза* (вариант перевода – *les yeux pénétrants*) на литературный штамп (*ses yeux noirs jetaient des flammes*), свойственный прозе периода романтизма. Одновременно он подчеркивает особенности внешности героя при помощи лексической единицы *de geais*. Любопытно отметить, что используемое А.А. Столыпиным написание лексемы *geais* являлось устаревшим уже на момент создания перевода. В частности, в некоторых словарях XVIII столетия можно прочесть следующее: «*Geais. s. m. Sorte de pierre precieuse. Voyez jais & gagate. C'est la même chose*» [Furetière, 1701, p. 999]. Гораздо более частым отклонением орфографии перечисленных идиоматических сочетаний, характерным, в том числе, и для источников XIX в., является использование лексемы *geai* (сойка) вместо *jais* (гагат, смоляной уголь). Это обусловлено омонимией слов и, возможно, тем фактом, что некоторые виды соек имеют насыщенно-черный цвет перьевого покрова головы.

В описании внешности старой княгини мы вновь находим дополнительную характеристику (*énormément*), которая обладает оценочной семантикой и тоже выделяет отдельные черты внешности персонажа:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ, и тутъ на покоѣ растолстѣла.	Elle a passé la seconde période de sa vie à Moscou où elle a énormément engraisé.	Второй период своей жизни она провела в Москве, где она <i>чрез-</i> <i>вычайно</i> растолстела.

Наряду с этим, А.А. Столыпин опускает формант *и тут на покое*, который, в частности, может быть передан с использованием таких сочетаний, как: *et là, au repos / et là, au calme / et là, menant une vie tranquille / et là, vivant en tranquillité*, что дополнительно говорит о субъективной мотивированности вносимых изменений. (При переводе использовано наречие *là*, поскольку контекстуально речевое взаимодействие персонажей происходит в Пятигорске – Е.С.).

В целом наблюдения свидетельствуют о том, что явно выраженная *оценочная семантика* присутствует в значительном количестве добавлений, передающих субъективные суждения. Однако, как это уже отчасти было показано выше, такие добавления выступают проводниками и более сложных коммуникативных устремлений переводчика, среди которых наиболее заметными являются введение *иронических смыслов* и *объяснение* авторских интенций, причем непосредственными референтами добавлений могут выступать не только действующие лица произведения. Проанализируем в качестве примеров:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Онъ только вчера приѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну: рѣшительно – несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.	Groushnitsky n'est ici que d'hier ; cependant il a déjà eu le temps de se disputer avec trois vieillards, qui ont voulu prendre leur bain avant lui ; décidément l'infortune l'a rendu très brave... <i>singulier effet des passions !</i>	Грушницкий приехал только вчера; однако он уже успел повздорить с тремя стариками, которые хотели прежде него принять ванну; решительно несчастье сделало его очень храбрым... <i>необычное действие страданий (страстей)!</i>
<...>– а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю... Я внутренно улыбнулся. «Самый пріятный домъ для меня теперь мой» – сказала я зѣвая, и всталъ, чтобъ идти.	C'est dommage, car c'est la plus agréable maison que je connaisse.... Je souris. <i>C'était la seule maison où le porte-enseigne fût reçu. — La plus agréable maison pour moi, c'est la mienne, dis-je en me levant pour partir.</i>	Жаль, потому что это самый приятный дом, какой я знаю... Я улыбнулся. <i>Это был единственный дом, где юнкер был принят.</i> «Самый приятный дом для меня – мой», – сказал я, вставая, чтобы уйти.
На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ.	Les étoiles commençaient à briller sur un ciel sombre, et, ce qui me parut étrange, c'est, que la voûte étoilée me faisait l'effet de s'élever, <i>dans les profondeurs infinies, plus que chez nous, au nord.</i>	На темном небе начинали блескать звезды, и мне показалось странным, что звездный свод представлялся мне поднимающимся в бесконечные глубины выше, чем у нас на севере.

В первом контексте переводчик дополняет окончание фразы риторическим восклицанием (*singulier effet des passions!*), прямым референтом которого выступает абстрактное понятие. Восклицание содержит субъективный оценочный компонент, усиливает эмоциональность нарратива, а также привносит дополнительный иронический смысл, который отсутствует в исходном тексте и реализуется благодаря совокупному синтагматическому содержанию и двойственному значению текстоформы *passions* (страдания; страсти).

Во втором случае А.А. Столыпин вносит эксплицирующее суждение (*C'était la seule maison où le porte-enseigne fût reçu*), основанное, вероятно, на личной рецепции текста и образа Грушницкого, который в части перевода даже именуется как *Groubinsky* (досл. Грубинский). Субъективность восприятия А.А. Столыпиным этого персонажа лермонтовского романа мы уже отмечали в наших предыдущих исследованиях [Соловьева, 2022, с. 140-141]. Примечательно, что в этом же контексте, но уже за счет опущения лексической единицы, переводчик изменяет и поведение главного героя, делая его более демонстративным. Последнее решение тоже следует признать субъективно обусловленным, поскольку перевод фразы «Я внутренно улыбнулся» не представляет сложностей и может быть реализован при помощи сочетаний *sourire intérieurement* / *sourire mentalement* / *sourire à part soi*.

В последнем фрагменте вводимое переводчиком оценочное суждение (*dans les profondeurs infinies*), направленное на более эмоциональное маркирование оригинального смысла, имеет в качестве референта реалию внешнего мира, что, по данным нашей выборки, наблюдается достаточно редко.

Наблюдения также свидетельствуют о том, что в весьма ограниченном числе случаев рукотворные реалии тоже становятся референтами лексических добавлений. Прочитируем:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умирають произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ.	Je vous dirai alors que je ne suis plus dans cet âge où l'on meurt en murmurant le nom de la femme aimée, et en dédiant à son ami une mèche de ses cheveux pommadés <i>au jasmin</i> <...>	Скажу вам, что я не нахожусь более в том возрасте, когда умирают, шепча имя любимой женщины и завещая другу прядь <i>напомаженных жасмином</i> волос <...>

Опуская текстоформу *ненапомаженных*, которая могла бы быть передана с использованием сочетаний *cheveux sans pommade* или *cheveux non pommadés*, но добавляя уточнение *au jasmin*, переводчик привносит дополнительный смысл, отражающий бытовые привычки Печорина, что представляется несколько излишним в рассматриваемом контексте.

Другую немногочисленную, но весьма любопытную для литературоведов группу составляют добавления переводчика, затрагивающие различные **фактологические сведения**, включая **сведения о персонажах**. В частности, цитируемый ниже контекст позволяет с высокой долей вероятности разрешить существующие среди лермонтоведов противоречия, касающиеся расшифровки наименования полка, к которому принадлежали остановленные Печориным на пятигорском бульваре офицеры.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, оста- новилъ двухъ знакомыхъ Д... офицеровъ, и началъ имъ что-то рассказывать;	Je fus m'asseoir sur un autre banc, à une distance respectueuse... J'arrêtai deux officiers des dragons de N...; je ne me rappelle plus l'histoire que je leur racontai.	Я уселся на другую скамейку, на почтительном расстоянии... Я остановил двух офицеров драгун из Н...; я уже не помню историю, которую им рассказывал.

Большинство исследователей полагает, что речь идет об офицерах Нижегородского драгунского полка, к которому был прикреплен и сам М.Ю. Лермонтов в 1837 году во время своей первой ссылки на Кавказ. Однако высказывались и другие мнения, утверждающие, в частности, что могли подразумеваться и военнослужащие одного из Донских казачьих полков (см., напр.: [Малевич, 1991, с. 36-37]). Расширенная интерпретация А.А. Столыпина (*officiers des dragons de N...*) уже не оставляет сомнений в том, что речь идет об офицерах Нижегородского драгунского полка – *régiment des dragons de Nijni-Novgorod*, как этот полк было принято именовать во франкоязычных документах эпохи.

В нижеследующем контексте за сокращением С... скрыто название Ставрополя, и этот факт хорошо известен литературоведам. Добавляя в переводе букву t, А.А. Столыпин еще более эксплицирует наименование города, в котором Печорин познакомился с доктором Вернером:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодёжи;<...>	Voici comment nous avons fait connaissance. J'avais rencontré Verner à St... dans une société nombreuse et turbulente de jeunes gens.	Вот как мы познакомились. Я встретил Вернера в Ст... в многочисленном и шумном обществе молодых людей.

Рассмотрим еще пару небезынтересных примеров.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н... «Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?» сказала Максимъ Максимычъ: «или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему зачѣмъ–нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; <...>»	Le domestique répondit que Petchorine était allé souper chez le colonel N... et coucherait chez lui. — Mais, ne viendra-t-il pas ici ce soir, ou bien n'iras-tu pas chez lui? Dans ce cas, dis-lui que le capitaine W... est ici.	Слуга ответил, что Печорин пошел ужинать к полковнику N... и будет у него ночевать. – «Но разве он не зайдет сюда сегодня вечером, или ты не пойдешь к нему? Тогда скажи ему, что капитан дубль В... здесь» .
Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находить и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.	On discutait cette croyance mahométane qui veut que la destinée de chaque homme soit d'avance tracée dans les cieux, croyance aujourd'hui fort répandue parmi nos <i>chrétiens</i> de Russie.	Мы рассуждали о магометанском поверье, утверждающем, что судьба каждого человека предначертана на небесах, поверье, сегодня очень распространенном среди наших российских <i>христиан</i> .

Как мы уже отмечали [Соловьева, 2022, с. 140], А.А. Столыпин отказывается в переводе от именования штабс-капитана Максима Максимыча его именем и отчеством, зачастую заменяя их званием героя, которое он интерпретирует при помощи лексемы *capitaine* (капитан). Однако в одном контексте переводчик добавляет к званию сокращение *le capitaine*

W... (досл. капитан дубль V), которое отсутствует в известных нам версиях произведения. Данное добавление может быть объяснено как предполагаемым стремлением переводчика передать инициалы имени и отчества штабс-капитана «удвоенное М» при помощи буквы «удвоенное V», так и возможным существованием прототипа, фамилия либо имя и отчество которого начинались с буквы «В».

Во втором примере А.А. Столыпин восстанавливает в переводе текстоформу *chrétiens*, которая, как полагают исследователи, была удалена по цензурным соображениям из всех печатных версий произведения рассматриваемого периода [Лермонтов, 1957, с. 221]. Дополнительно отметим, что данный факт свидетельствует в пользу того, что переводчик мог использовать в качестве источников русскоязычного текста как одно из изданий романа, так и рукописные версии произведения.

Наряду с этим следует отметить, что несмотря на то, что согласно наиболее часто встречаемой точке зрения, перевод был адресован французской аудитории и, возможно, являлся своеобразным ответом на публикацию маркиза Астольфа де Кюстина «La Russie en 1839» [см., напр.: Фокин, 2015; Карбоне, 2020, с. 38], анализ лексических добавлений приводит к выводу о том, что переводчик отчасти ориентировался и на определенный круг русскоязычных читателей, которым, возможно, были известны реальные прототипы героев произведения, а также некоторые фактические обстоятельства создания романа. Несомненно, данный аспект требует дальнейшего более глубокого изучения.

5. ВЫВОДЫ

Подводя итоги исследования, можно заключить, что лексические добавления, приносящие субъективно мотивированные смыслы, оказываются одним из заметных факторов декомпрессии текста перевода, выполненного А.А. Столыпиным.

Выявленные добавления отличаются заметной антропоцентричностью и представлены двумя наиболее существенными типологическими группами: субъективными суждениями переводчика, касающимися персонажей романа, и различными фактологическими данными, вносимыми переводчиком в текст произведения. Причем первая группа добавлений является доминирующей.

В целом А.А. Столыпин занимает коммуникативно активную позицию, направленную на формирование у реципиента определенного отношения к сообщаемой информации, что в значительном числе случаев реализуется благодаря актуализации субъективных оценочных суждений, экспликации авторских интенций, а также путем введения дополнительных иронических смыслов.

Наблюдения также свидетельствуют, что потенциальными реципиентами А.А. Столыпина выступают как франкоязычная публика, так и русскоязычные читатели.

Проанализированные добавления представляют собой интересный в литературоведческом аспекте «исторический артефакт», дополняющий знания о фактологической составляющей процесса создания произведения.

С другой стороны, лексические добавления отражают позицию А.А. Столыпина по отношению к переводимому тексту и могут, в частности, рассматриваться как неотъемлемая часть его индивидуального стиля и дискурсивной личности в целом.

Дальнейшее изучение обозначенных позиций представляет несомненный интерес как в плане исследования переводческой и прагматической составляющих индивидуального стиля переводчика, так и в литературоведческом аспекте.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольперт Л. И. Эстетизация рефлексии в прозе Лермонтова (Печорин и его французские «собратья») // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 127–167.
2. Зимовец Н. В. Виды декомпрессии при переводе художественного текста // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. Белгород, 2018. С. 402–407.
3. Карбоне А. Три французских перевода «Героя нашего времени» // Лермонтовские чтения - 2019. Многогранные аспекты изучения творчества М. Ю. Лермонтова: сб. статей. СПб. : Ано Россика «Лики», 2020. С. 31–46.
4. Костикова О. И. К основаниям теории переводческой критики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. №1. С. 82–98.
5. Махлевич Я. Л. «И Эльбурис на юге...». Москва: Советская Россия, 1991.
6. Нуриев В. А. Добавления в художественном переводе: прием или ошибка? // Вопросы филологии. 2007. №2. С. 67–73.
7. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической / пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015.
8. Соловьева Е. А. Актуализация основных действующих лиц в первом переводе романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 3. С. 135–147.
9. Фефелов А. Ф. Взаимосвязи перевода и культуры в трактовке С. Басснетт // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. № 1. С. 90–97.
10. Фокин С. Л. Загадки и задачи двух французских переводов «Героя нашего времени»: Монго и Борис де Шлёцер // Мир Лермонтова / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. 2015. С. 823–835.
11. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Les tours de Babel. Essais sur la traduction, 1985. Pp. 35–150.
12. Cochrane G. Le foisonnement, phénomène complexe // TTR : traduction, terminologie, rédaction. 1995. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 175–193.
13. Durieux C. Le foisonnement en traduction technique d'anglais en français // Meta. 1990. Vol. 35. Iss.1. Pp. 55–60.
14. Farahzad F. A gestalt approach to manipulation // Perspectives: Studies in Translatology. 1998. Vol. 6, Iss. 2. Pp. 153–158.
15. Hatim B., Mason I. The translator as communicator. Routledge, 1997.
16. Hermans Th. Translation Studies and a New Paradigm // The manipulation of literature: Studies in Literary Translation. Routledge, 2014. Pp. 7–15.
17. Juhel D. Prolixité et qualité des traductions // Meta. 1999. Vol. 44. Iss.2. Pp. 238–249.
18. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London and New York: Routledge. 1992.

19. Lešić-Thomas A. Focalization in Pushkin's «Eugene Onegin» and Lermontov's «A Hero of Our Time»: Loving the Semantic Void and the Dizziness of Interpretation // *Modern Language Review*. 2008. Vol. 103. Iss. 4. Pp. 1067–1085.
20. Nida E. A. *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Brill Archive, 1964.
21. Ryan R. La concision en traduction scientifique : Une valeur ajoutée // *Traduire. Revue française de la traduction*. 2020. Iss. 242. Pp. 113–125.
22. Toury G. *Descriptive translation studies – and beyond*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2012.
23. Tymoczko M. *Enlarging translation, empowering translators*. London: Routledge, 2014.
24. Van Hoof H. *Traduire l'anglais. Théorie et pratique*. Paris–Louvain-la-Neuve: Duculot. 1989.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

1. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Ч. 1–2. СПб.: В Тип. Ильи Глазунова и К°, 1843.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 6. Проза. Письма. АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957.
3. Dictionnaire de français Larousse. Retrieved from <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/jais/44672>
4. Furetière, A. (1701). *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, & les termes des sciences et des arts*. La Haye, Around et Reinier Leers, 2 vol. Tome 1. Retrieved from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3251752/f7.item>
5. Kravtsov S. *Dictionnaire russe-francais des locutions idiomatiques équivalentes*. Paris: Le Harmattan, 2005.
6. La Démocratie pacifique. 1843. Retrieved from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p>

REFERENCES

1. Berman, A. (1985). *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Les tours de Babel. Essais sur la traduction [Translation and letters from the distance. The Towers of Babel. Essays on translation]*. SEUIL; Ordre philosophique edition (in French).
2. Carbone, A. (2020). Tri frantsuzskikh perevoda “Geroya nashego vremeni” [Three French translations of “A Hero of Our Time”]. In *Lermontovskie chteniya – 2019. Mnogogrannnye aspekty izucheniya tvorchestva M. Yu. Lermontova [Lermontov readings – 2019. Multifarious aspects of studying Lermontov]* (31-46). St Petersburg: Ano Rossika, “Liki” Press (in Russian).
3. Cochrane, G. (1995). Le foisonnement, phénomène complexe [Profusion, a complex phenomenon]. *TTR: traduction, terminologie, rédaction [TTR: translation, terminology, writing]*, 8, 2, 175–193 (in French).
4. Durieux, C. (1990). Le foisonnement en traduction technique d'anglais en français [The proliferation of technical translation from English to French]. *Meta*, 35, 1, 55–60 (in French).
5. Farahzad, F. (1998). A gestalt approach to manipulation. *Perspectives: Studies in Translatology*, 6, 2, 153–158.

6. Fefelov, A. F. (2014). Vzaimosvyazi perevoda i kul'tury v traktovke S. Bassnett [Interrelationship between translation and culture according to Susan Bassnett]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Novosibirsk State University bulletin. Ser.: Linguistics and intercultural communication], 1(12), 90–97 (in Russian).
7. Fokin, S. L. (2015). Zagadki i zadachi dvukh frantsuzskikh perevodov «Geroya nashego vremeni»: Mongo i Boris de Shletser [Riddles and tasks of two French translations of “A Hero of Our Time”: Mongo and Boris de Schloezer]. In M. N. Virolaynen, A. A. Karpov (Eds). *Mir Lermontova* [Lermontov's World] (pp. 823-836). Moscow: Skriptorum Press (in Russian).
8. Hatim, B., & Mason, I. (1997). *The translator as communicator*. Routledge.
9. Hermans, Th. (2014). Translation Studies and a New Paradigm. In *The manipulation of literature: Studies in Literary Translation* (7-15). Routledge.
10. Juhel, D. (1999). Prolixité et qualité des traductions [Prolixity and the quality of translations]. *Meta*, 44, 2, 238–249 (in French).
11. Kostikova, O. I. (2008). K osnovaniyam teorii perevodcheskoj kritiki [Towards the Foundations for the Theory of Translation Criticism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Vestnik. Ser. 22: Theory of Translation], 1, 82-98.
12. Lefevere, A. (1992). *Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame*. London and New York: Routledge.
13. Lešić-Thomas, A. (2008). Focalization in Pushkin's «Eugene Onegin» and Lermontov's «A Hero of Our Time»: Loving the Semantic Void and the Dizziness of Interpretation. *Modern Language Review*, 103, 4, 1067–1085.
14. Makhlevich, Ya. L. (1991). «I El'borus na yuge...» [«And Elborus in the south ...»]. Moscow: Soviet Russia (in Russian).
15. Nida, E. A. (1964). *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Brill Archive.
16. Nuriev, V. A. (2007). Dobavleniya v hudozhestvennom perevode: priem ili oshibka?. [Additions in Literary Translation: Means or Mistake?]. *Voprosy filologii* [Philological Issues], 2, 67–73 (in Russian).
17. Prunč, E. (2015). Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya: ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy [Ways of Development of Western Translation Studies. From the Language Asymmetry to the Political One]. Transl. from German. Moscow: R. Valent (in Russian).
18. Ryan, R. (2020). La concision en traduction scientifique: Une valeur ajoutée [Conciseness in scientific translation: Added value]. *Traduire. Revue française de la traduction* [Translation. French translation review], 242, 113–125 (in French).
19. Solovyeva, E. A. (2022). Aktualizaciya osnovnykh dejstvuyushchih lic v pervom perevode romana M. Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni» na francuzskij yazyk [The main characters' interpretation in the first French translation of Mikhail Lermontov's novel “A hero of our time”]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3(8), 35–147 (in Russian).
20. Toury, G. (2012). *Descriptive translation studies – and beyond*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2012.
21. Tymoczko, M. (2014). *Enlarging translation, empowering translators*. London. Routledge.
22. Van Hoof, H. (1989). *Traduire l'anglais. Théorie et pratique* [English translation. Theory and practice]. Paris–Louvain-la-Neuve: Duculot (in French).

23. Volpert, L. I. (2005). Estetizaciya refleksii v proze Lermontova (Pechorin i ego francuzskie «sobrat'ya») [Aesthetization of reflection in Lermontov's prose (Pechorin and his French «brothers»)]. *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. V (Novaya seriya) [Works on Russian and Slavic philology. Literature studies. V (a new series)]*, 127-167. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus (in Russian).

24. Zimovec, N.V. (2018). Vidy dekompressii pri perevode hudozhestvennogo teksta. [Types of decompression in literary translation]. In *Nauka i obrazovanie: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [Science and education: domestic and foreign experience]* (402-407), Belgorod (in Russian).

SOURCES AND DICTIONARIES

1. *Dictionnaire de français Larousse [Larousse French Dictionary]*. Retrieved from <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/jais/44672> (in French).

2. Furetière, A. (1701). *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, & les termes des sciences et des arts [Universal dictionary, generally containing all French words, both old and modern, and terms from sciences and arts]*. La Haye, Around et Reinier Leers, 2 vol. Tome 1. Retrieved from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3251752/f7.item> (in French).

3. Kravtsov, S. (2005). *Dictionnaire russe-français des locutions idiomatiques équivalentes [Russian-French dictionary of equivalent idioms]*. Paris: L'Harmattan (in French).

4. *La Démocratie pacifique 1843 [Peaceful democracy 1843]*. Retrieved from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p> (in French).

5. Lermontov, M. Yu. (1843). *Geroy nashego vremeni [A Hero of Our Time]*. Ilya Glazunov and K° (in Russian).

6. Lermontov, M. Yu. (1957). *Sochineniya: V 6 t. T. 6. Proza. Pis'ma [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 6. Prose. Letters]*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press (in Russian).

Информация об авторе:

Соловьева Евгения Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону, Россия). ORCID: 0000–0001–8796–6059.

Получено: 7 мая 2023 г.

Принято к публикации: 21 августа 2023 г.

**TRANSLATION BY ADDITION AS A TOOL OF UNVEILING
THE DISCURSIVE IDENTITY OF THE TRANSLATOR
IN THE INITIAL RENDERING OF MIKHAIL LERMONTOV'S
"A HERO OF OUR TIME"
INTO FRENCH**

Evgeniya A. Solovyeva
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
e_rossignol@mail.ru

Abstract: This article explores how translation transforms the original text and reveals the translator's individual style and discursive identity. The main goal of the study is to find, describe, and analyze semantically significant lexical additions used in translation, explaining subjective meanings that are not present in the original text. The empirical data for this study comes from the first translation of M. Yu. Lermontov's novel "A Hero of Our Time" into French. This translation was published in the literary section of the Parisian newspaper "La Démocratie pacifique, journal des intérêts des gouvernements et des peuples." The translator was Alexey Arkadyevich Stolyпин (1816–1858), a contemporary and relative of the author. The article uses a descriptive method, combined with semantic, functional, contextual, comparative, and quantitative analyses. The back translation technique is also applied to enhance the presentation and analysis of the data. The study shows that translational additions have a strong anthropocentric character, divided into two main typological groups: the translator's subjective judgments and various factual information, mainly about the characters of the novel. The prevalence of the first group demonstrates A.A. Stolyпин's communicatively active position, addressing both the French-speaking and Russian-speaking readers. The results of the study suggest that semantically significant translational additions are potential indicators of not only the translator's individual style but also their discursive identity and professional competence. This article contributes to a deeper understanding of the complexities of translation and its role in shaping the subjective aspects of the translated text.

Keywords: translation by addition, M. Lermontov, A.A. Stolyпин, "A Hero of Our Time", translation, translator's individual style, translator's professional competence, discursive identity of the translator.

How to cite this article: Evgeniya A. Solovyeva (2023). Translation by Addition as a Tool of Unveiling the Discursive Identity of the Translator in the Initial Rendering of Mikhail Lermontov's "A Hero of Our Time" Into French. *Professional Discourse & Communication*, 5(4), pp. 79–96 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-4-79-96>

About the author:

Evgeniya A. Solovyeva, Cand. Sci. (Philology), is a Lecturer in the Department of Romance Philology of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). ORCID: 0000–0001–8796–6059.

Received: May 7, 2023.

Accepted: August 21, 2023.